

Художник и педагог Геннадий Васильевич Огородов воспитал целое поколение замечательных художников. Среди его учеников москвичи – Пётр Багин, Георгий Сысолятин, Юрий Ракша, Геннадий Донцов, ленинградцы – Неля Полякова, Александр Пермяков, новгородец Николай Селиков, уфимцы – Сергей Литвинов, Александр Рыбаков, Григорий Харин, Мирас Давлетбаев, Владислав Меос, Виктор Пегов, Виктор Рязанов, Роберт Ягафаров и др.

В Уфу Огородов приехал в 20-е годы 14-летним мальчиком из города Камышина. Поступил в студию при 2-й советской школе (её тогда называли «галановской»), где преподавали корифеи башкирского изобразительного искусства К.А. Девлеткильдеев, А.П. Лежнев, А.Э. Тюлькин, А.В. Лезенков. Затем продолжил учёбу в Саратовском художественно-промышленном техникуме. В 30-е годы Огородов вновь в Уфе, он в числе учредителей кооперативного товарищества «Башхудожник», а затем становится первым ответственным секретарём Союза художников города. В Великую Отечественную войну – он мужественный воин, командир огневого взвода, сражавшийся под Москвой, на 3-м Белорусском фронте, участвовавший во взятии Кенигсберга. Война для него закончилась в Порт-Артуре. В архиве художника сохранились рисунки военных лет. Он рисовал в перерывах между боями портреты солдат, чётко передавая характер и пластику.

В послевоенные годы Геннадий Васильевич руководил изостудией при Доме имени Калинина. Всегда перед ним были пытливые глаза учеников, в любую погоду приезжавших со всех концов города. А

с чего всё началось? Об этом рассказал сын Геннадия Васильевича – Ярослав. Он словно включил киноаппарат, прокрутил плёнку назад и стал показывать картины давних лет.

В Уфе на улице Добролюбова в одном из частных домов семья Огородовых снимала две небольшие комнаты.

Глава семейства – Геннадий Васильевич был чуть ниже среднего роста, с пронизательным взглядом, довольно-таки крупными руками и тёмной бородой. По воспоминаниям сына, Огородов носил бороду всегда. Великая Отечественная война не только повлияла на его характер, но и оставила на груди и на правой руке шрамы от осколков. По природе своей Геннадий Васильевич был природный лидер, подвижный, энергичный, многое умел, был прекрасным оратором и организатором. Ведь ему удалось так организовать учебный процесс в изостудии при Доме культуры имени Калинина, что та стала творческим островком, черниковским оазисом, питавшим и взрастившим не одно поколение художников. Тридцать лет Огородов был бессменным руководителем студии. Думал ли он, что это продлится так долго, и почему согласился, когда ему предложили стать её руководителем? Получив художественное образование, он имел право учить и делал это великолепно. Геннадий Васильевич чувствовал, что ему есть что сказать своим ученикам. После войны найти ра-

боту было не так просто, и потому, когда ему предложили стать руководителем изостудии, пообещав при этом еще и жильё, он согласился.

Комнату он получит только спустя пять лет, в 1954 году в Черниковке, ещё через несколько лет – однокомнатную квартиру. Но вернуться на улицу Добролюбова, там Геннадий Васильевич со своей женой Зоей Яковлевной Григорьевой и сыном Ярославом тоже прожил немало лет. В доме было печное отопление, одно время дрова для жён офицеров кололи военнопленные немцы, которых распределяли по два человека на двор, к ним были приставлены часовые. Зоя Яковлевна тоже считалась женой офицера. Изящная с точёной фигуркой восемнадцатилетней девушки, она была привлекательной женщиной. Её фигура почти не менялась до шестидесяти лет, поэтому иногда доходило до казуса: молодые люди идущие за ней с целью познакомиться, бывали весьма удивлены, увидев не очень, по их мнению, молодое лицо. Зоя Яковлевна окончила два института. Химик и медик по образованию, она не работала по специальности, а стала домохозяйкой. В то время в магазинах почти не было продуктов, на прилавках же лежали абсолютно недоступные по цене чёрная и красная икра, шоколад и консервы с крабами. Так что за продуктами шли на рынок. Там можно было купить всё: на прилавках лежали огромные арбузы, дыни, яблоки. Холодильников не было, и мяса покупали немного, чтобы сразу сварить суп. Зато и ходить приходилось едва ли не каждый день.

Когда Ярославу исполнилось четыре года, Геннадий Васильевич нарисовал азбуку, напротив буквы А – аппетитный арбуз, напротив Б – баранки и т. д. После работы Огородов читал ему сказки, а как-то раз сказал: сам дочитывай эту толстую книгу. И Ярослав дочитал. Уже в раннем детстве сын проявлял любовь и способность к чтению. В пять лет он уже осилил «Восемьдесят тысяч миль под водой» Ж. Верна, затем записался в библиотеку. Огородов-старший ориентировался на вкус сына, и сам читал эти книги по вечерам. Чуть позже, когда Ярослав взял книгу Александра Дюма «Три мушкетёра», библиотекарьша решила в нагрузку ему

дать книгу с названием «Сельскохозяйственные машины и приспособления». Ярославу совсем не хотелось её читать, о чём он и поведал отцу. Геннадий Васильевич очень рассердился и пошёл в библиотеку. С библиотекарьшей он говорил резко и возмущённо, аргументируя тем, что сын давно уже читает Жюль Верна, ему нужны образцы мировой литературы, а не сельскохозяйственная книга напечатанная крупным шрифтом для начинающих. Он мог быть очень острым в высказываниях, особенно там, где чувствовал несправедливость или большую глупость. Не имея возможности купить в книжном магазине необходимое, многие книги – такие как монография Врубеля, Всеобщая история искусства и другие – Огородов выписывал через послыторг. Таким образом, была собрана великолепная библиотека.

Хотя отец и не был строг к сыну, все же однажды Ярославу крупно влетело. Геннадий Васильевич, работавший тогда в художественном фонде, нарисовал портрет одного из руководителей партии и, положив его на пол, покрыл лаком. Рядом на электроплитке стояла трёхлитровая кастрюля с борщом, а пробежавший сын нечаянно опрокинул кастрюлю. Горячий борщ оказался на портрете вождя. А на следующий день Огородову нужно было сдавать этот портрет на худсовет...

Ярослав часто помогал матери в домашнем хозяйстве. Ходил с ней на колонку: она несла коромысло с ведрами, а он – небольшое ведёрко. Иногда они вместе гуляли в сквере имени Сталина возле оперного театра, там были разбиты большие цветники из роз. Они собирали лепестки цветов, и мама варила из них варенье – оно считалось её фирменным блюдом. В свободное время она собирала необычные рецепты, по которым иногда готовила что-то оригинальное, играла на гитаре, пела эстрадные песни. Только когда сыну исполнилось десять, Зоя Яковлевна устроилась химиком в лабораторию при институте профзаболеваний. Она была полной противоположностью Геннадию Васильевичу. Если он любил серьёзные виды искусства, классическую музыку, то жена предпочтение отдавала эстраде; и так во всём, хотя сама хорошо играла на рояле. Со временем жизнь су-

пругов стала похожа на жизнь артистов, каждый из которых играл в своём театре и жил своим миром, не допуская в него другого. Брак дал трещину, как иссохшая, не орошаемая дождями земля. Обеими сторонами это было принято как данность, и никто не считал нужным, что-то менять. Они также жили под одной крышей, но теперь готовили каждый себе отдельно на свою зарплату. Семья как бы разделилась: сын был при отце, а мать жила своей жизнью.

Невольно возникает вопрос, если они жили как два разных полюса в одном доме, как же было вне этого дома? У Геннадия Васильевича были романы. В те послевоенные годы мужчин было мало, а если это к тому же интересный человек, личность... Он хорошо играл на гитаре, пел, танцевал, к тому же мог увлечь прекрасную даму своим ораторским искусством и творчеством. Вот и появилась целая галерея женских портретов: ученицы, модели, просто знакомые женщины. И незнакомые... Очаровательные незнакомки смотрят пристальным взглядом на зрителя, словно хотят разгадать некую тайну, а может быть, душу художника, рисовавшего их.

Где рисовал Геннадий Васильевич? У него никогда не было своей мастерской. Когда он получил двухкомнатную квартиру, писал в большой комнате, иногда в студии. Ярослав вырос, окончил физико-математический институт в Томске, затем работал, можно было как-то расширить квартиру, но Огородов старший решил: «А зачем переплачивать? Нам хватает». Это ещё раз доказывает, каким скромным, не привязанным к материальному миру был Геннадий Васильевич. При жизни он сделал пять персональных выставок. Одну во дворце Орджоникидзе и четыре в Доме культуры имени Калинина. Участвовал в зональных городских выставках; был одним из первых членов Союза художников, из которого его через много лет исключат без всяких объяснений, без его личного присутствия на собрании. У сына сохранилось письмо из правления Союза художников России. Там написано, что исключение художника Огородова Геннадия Васильевича произведено в нарушение всех уставов и законов. Не было его личного присутствия

на собрании. Причина не была сформулирована. Ведь его исключали за отсутствие творческой активности, хотя в том же году он участвует в республиканской выставке, где были представлены две его работы. Художник участвует в выставке, проходит строгий отбор худсовета. Так о каком отсутствии творческой активности идёт речь? А может, прямолинейность характера и необязань высказать правду – вот что послужило основной причиной такого несправедливого отношения к нему.

Он был фанатиком своего дела, очень много писал с натуры. Часто брал своего маленького сына на этюды. Большое впечатление в памяти у Ярослава осталось от встречи с художником и учеником его отца Григорием Ефимовичем Хариным. Два фронтовика, они вместе с Геннадием Васильевичем ходили в гимнастёрках много лет. Только где-то в 1956 году Огородов купил себе костюм. У Харина на цепочке висел небольшой ножик, и когда они с Огородовым и его сыном ездили на этюды, Григорий Ефимович ухитрялся вырезать из коры дуба лодочку или из ветки орешника свисток, тем самым, доставляя Ярославу большую радость.

А Огородов, рисуя свой этюд, вынужден был также подходить к студийцам и поправлять их работы, что-то подсказывать, не выпуская из поля зрения педагогический процесс. А ещё нужно было суметь выбрать такое место или уголок, чтобы всем студийцам было удобно расположиться, запечатлевая его в своих работах, поэтому четырехлетний Ярослав вместе с отцом ходил по пять, а то и шесть километров в поисках живописного уголка. Много разных приключений было связано с поездками на этюды. Ездили они и в Красный Ключ на Уфимке. Вода была очень холодная, а Ярослав сидел и бултыхал в ней ногами. Все студийцы были заняты, Зоя Яковлевна собирала ягоды и не доглядела за сыном. К вечеру у Ярослава поднялась очень высокая температура. Геннадий Васильевич в буквальном смысле рассвирепел. Как потом рассказывал художник Сергей Литвинов, таким Огородова он ни разу не видел.

С самим же Литвиновым произошла такая история: было очень жарко и мно-

гие художники ходили по полям раздетыми. Сергею Александровичу клещ залез в пупок, и невозможно было его оттуда вытащить. Пришлось идти к фельдшеру, который благополучно вытащил клеща. Все переживали за своего товарища и были очень рады, что этот эпизод завершился благополучно.

У Огородова была исключительная зрительная память. Одно время он работал в Нестеровском музее старшим научным сотрудником, а потом восемь месяцев исполнял должность директора музея. В этот период он ездил в Третьяковку для ознакомления с запасниками и, когда поступали какие-то журналы – «Художник», «Творчество» или «Искусство», если он хоть когда-либо эту картину видел, то всегда мог определить и сказать в чём репродукция искажает подлинник. У него была великолепная зрительная память в отношении колорита и цвета, рисунка и композиции, тем более полиграфия частенько страдала.

Геннадий Васильевич был очень разносторонним человеком, общение с ним было интересно многим знаменитым художникам. Как-то раз ему дали путёвку на творческую дачу в Абрамцево, там он познакомился с одним из Кукрыниксов и они подолгу беседовали об искусстве. В первые послевоенные годы к нему приезжал Грабарь и в маленькой комнатухе с интересом смотрел картины Геннадия Васильевича. Огородов с трудом воспринимал новое искусство, например творчество Пикассо. Только после того как ему перевели с немецкого языка «Исповедь Пикассо», он стал относиться к его творчеству по-другому.

Бывая в Москве, старался посетить все выставки, которые там были, обязательно ходил в Третьяковку. Уже когда его ученики стали сложившимися художниками, они не теряли связь со своим учителем, частенько заглядывали к нему – Сергей Александрович Литвинов, Григорий Ефимович Харин, Владислав Эдуардович Меос и многие другие. Многие художники ценили мнение Огородова о своём творчестве. Сам Огородов говорил так: «Вот леплю, леплю, что-то вроде получается. Взглядом со стороны, может, подскажите что-то. Может, я и соглашусь, а может, и не соглашусь?» Если возника-

ли какие-то финансовые затруднения, он пытался продать свои работы через салон. Если ему назначали за картину хорошую цену, он просил её снизить, чтобы работа быстрее продалась.

Около двух тысяч студийцев в разные годы приходили к своему искреннему учителю, бескомпромиссно отстаивавшему подлинные ценности искусства. Высокий профессионализм, блестящие знания и гармония стали основой его метода. В чём секрет такого расцвета творческой студии? Я думаю – в любви, и чем дальше уходят в прошлое годы учения – тем ярче значение его гражданского и художнического подвига, ведь большая часть своего личного времени Геннадия Васильевича Огородова была отдана ученикам. Конечно, не все они стали художниками, но он оставил крупную свою любовь в их душах, смог пробудить интерес к искусству.

Вот, что рассказала его ученица Вера Павловна Сухова, которую я встретила на юбилейной выставке Геннадия Васильевича. Она училась у него, когда он преподавал в школе № 52. Как-то раз на урок рисования Геннадий Васильевич принёс чучело утки и поставил на стол. Он хотел, чтобы кто как видит и как умеет, нарисовал эту утку, при этом выразив себя. Вера Павловна растерялась, и рисунок не получился. Через много лет, уже окончив авиационный институт, она покупает две книги – самоучители по рисованию – и начинает вновь учиться рисовать. Занимается этим целенаправленно и упорно. Когда-то имевшая по рисованию тройки, теперь она рисует натюрморты, грамотно и правильно располагая предметы в пространстве.

Что это? Победа над собой или поиск себя, желание самореализации? А может, и то и другое. Говорят, спорт закаляет характер, а искусство? Вера Павловна проявляет железную волю и добивается прекрасного результата, с осознанием: я могу. И истоки надо искать в уроках Огородова, в его влиянии, в его духе. Нет, она не стала художником, но она говорит: я не рисую, но я чувствую, интересуюсь искусством и живу этим, это притяжение всей жизни.

Динар Магасумов – художник и ученик Огородова – вспоминает:

– Мы очень тесно общались с Геннадием Васильевичем, я был одним из его любимых учеников. Ездили с Сергеем Литвиновым, Александром Рыбаковым, Владиславом Меосом на этюды в Караидельский район. Жили там по две недели. Вставали в четыре утра; как говорил Геннадий Васильевич, надо успеть до солнца, когда состояние природы цельное, потом завтракали, снова писали, затем шли на обед. Кормили нас в местной столовой вкусно и очень сытно, после обеда снова рисовали. Делали три этюда в день. Отношение Геннадия Васильевича к нам было доброжелательное. Зимой мы работали в студии, писали портреты, натюрморты, а летом – на пленэре. Он умел договариваться с людьми, к нам приходили передовики производства и мы писали с них портреты. Он был бескорыстным тружеником, который жил искусством. Никогда не жаловался на своё здоровье, хотя были проблемы. Никогда не говорил ни о ком плохо. Любил беседовать о творчестве, о картинах, о высокому и прекрасном. В этом плане нам повезло, он был талантливым педагогом, который помогал раскрыться другим талантам.

Зифа Мингалимова – художница абстракционистка и ученица Огородова рассказывает:

– Я счастлива, что являюсь ученицей Геннадия Васильевича. Он был интеллигентным человеком, но порой не стеснялся в выражениях. Говорил остро и не боялся сказать правду, потому и страдал. Помню один момент. Как-то раз пришла девочка, явно больная, но он принял её к себе в студию. О детях он говорил так: они могут что-то сказать в искусстве, потому что не умеют пока врать. А еще мне запомнился Новый год, мы его вместе с учениками изостудии встречали у Крашенинникова. Ночью мы вышли на улицу. Геннадий Васильевич курил, а мне хотелось от него услышать что-то интересное. Рядом с ним всегда было уютно на душе. Смотрит он в тёмную морозную даль и говорит: «Смотрите, какие краски, они такие сложные, как их трудно выразить и даже представить». Потом мы снова были в доме, и наш учитель, посадив меня на колени, спел старинную колыбельную песню. Он пел так красиво, с душой. Я очень жалела, что это невозможно

записать. Это было особое состояние его души. Потом все танцевали, а он вдруг несколько раз перевернул меня в воздухе как пушинку. У него были очень крепкие сильные руки. Когда все собрались спать, Геннадия Васильевича решили положить на кровать Крашенинникова, но заболела сестра Рostenбергского, и нашему учителю пришлось спать на полу. Он был непритворным и открытым человеком. На своём юбилейном вечере он рассказал нам, как влюбился в библиотечаршу, о том, как выкрасил свою седую бороду в рыжий цвет, при этом красиво смеясь над собой. Он поделился с нами самым сокровенным, ведь любовь к той женщине была тайной. В тот вечер он рассказывал о войне, о том, как очень устал, и отошел на фронте так, что порой засыпал на ходу, а однажды и совсем заснул, а проснулся оттого, что почувствовал, как его ведут солдаты. Его вели под руки солдаты как очень ценного и уважаемого человека. Он умел покорять людей своим обаянием и доброжелательностью. Геннадий Васильевич был счастлив, потому что мы, его воспитанники, понимали друг друга и были близкими словно одна семья.

С ним всегда было хорошо и весело. Мы часто ходили со студией на этюды. Особенно мне запомнился поход весной. Мы были на Доке, там росли такие большие деревья в объёме. Юный Александр Рыбаков сидел на рывке пригорке и создавал невероятные вещи. Рисовал он смело и быстро, и я влюбилась сначала в его живопись, а потом в самого Александра. Он тоже меня любил. Как-то раз я пришла в студию, высунулась из форточки и смотрела на солнце, ощущая себя очень счастливой. Потому что эта студия была для меня всем. Обычно я чувствовала себя белой вороной, но именно здесь я нашла людей, которые меня понимали.

Сообща мы анализировали работы, ставили натюрморты. На стенах висели настоящие картины тех художников, которые уже состоялись. Например, картина Сергея Литвинова «Иван Грозный у дочери». Мне очень хотелось познакомиться с этим художником – позже так и случилось. Я окончила промышленно-художественное училище, кстати, тоже имени Калинина, в Москве. Раньше я чувствовала, что где-то рядом солнце,

ощущение шло от драгоценных встреч с талантливыми людьми. А сейчас я словно на другой планете, так как многих дорогих мне людей больше нет. То была самая счастливая пора жизни, время, когда я находилась в изостудии при доме Калинина. Я умела быть счастливой – это внутренний дух, если этот дух в ущерб, ты не можешь быть счастливым. Мы сами создаём атмосферу, от нас многое зависит, какая она будет. Внутренний дух – это способность воспринимать красоту. В первом классе я сказала, что хочу стать художницей, другая же девочка просто сказала – я буду. Уверенность в себе я обрела позже, в этом мне тоже помог Геннадий Васильевич Огородов. Он был мне как отец, друг и учитель и он создал в студии ауру любви, творчества и радости.

Есть такое понятие, что художник похож на свои работы, чего не скажешь о Г. Огородове, в этом его исключительная особенность. По рассказам очевидцев, Геннадий Васильевич был скромным и порядочным человеком, и в то же время решительным и смелым, а в своём творчестве продолжатель традиций русского реализма он деликатный, мягкий лирик. Всё сделанное им отличается устойчивым мастерством и вкусом, отработанным до простоты. В его пейзажах нежная любовь к родной природе, поэтические нотки и одухотворённость порой сменяются монументальностью, панорамностью восприятия. Он словно с высоты птичьего полёта взирает на влекущие дали, рельефные уральские горы и прозрачные реки. Пишет он широко раскованно, как хороший норвежский лыжник торит по снежному насту свой неповторимый путь. Именно так написаны пейзажи «Уральские горы», «На Белой», «День уходящий».

Поездки с учениками позволили создать цикл работ, среди которых пейзажи «В Миньяре», «Весенний день», «На Кирзе».

Переход от теории к практике, принёс свои благодатные плоды. Вспомним импрессионистов, которым пленэр дал мощный импульс к творчеству, вдохновил на новое виденье. Диалог с природой всегда важен и нужен. Многолетняя работа учителя не прошла бесплодно. Он помогал ученикам выверять чувство

пространственных отношений, развивать способность к сложным композиционным решениям. Ученики вышли из этих лет более устойчивыми, вросшими в живопись. Каждый из них пошёл своим путём в творчестве. И стоит увидеть звенящие заснеженные ветки, на которых расположились красивые снегири Григория Харина, сказочную луну среди безмолвных холмов Сергея Литвинова изумрудно-таинственный лес Александра Рыбакова, то представишь два берега и прочный добротный мост, соединивший этих художников.

С большим воодушевлением Огородов пишет окраины города, новостройки, передавая своим ярким колоритом жизнеутверждающее начало. В городском пейзаже «Уфимский дворик» создан свой особый мир, в котором не может быть ни войн, ни потрясений. Кажется, так и задумано, чтобы увидеть приятную сказку для глаз.

Острая наблюдательность, глубокое понимание человеческой психологии, и законченность, нашли своё выражение в его превосходных портретах «Женщина в белом платье», «Портрет Надежды Дюндиковой». Трепетное и уважительное отношение передано в портрете матери художника, в котором жёлтый фон усиливает переживания на бледном грустном лице. Романтизм и мечтательность показаны во взгляде в портрете сына Ярослава, а его импозантная и артистичная поза создаёт ощущения экспрессии и мимолётности происходящего.

Серия автопортретов художника, написанная в разные периоды, наводит на мысль, что Геннадий Васильевич изучал натуру и, конечно же, себя. Возможно, он хотел встретиться с самим собой и, вероятно, ему в какой-то степени это удалось. «Автопортрет с зеркалом» подтверждает эти слова. Художник внимателен и серьёзен, зорко вглядывается во что-то ведомое только ему. Посадка головы, расположение рук – всё говорит о готовности номер один. Это поза неробкого человека. И в каждой картине – живой реалистический рисунок движения.

Огородов обращается и к жанровым картинам. Он был очень устремлённым человеком, и если какая-то композиция его захватывала, он по пять-шесть

Г. Огородов с учениками

дней делал эскизы к ней. Например, к картине «Указ 1861 года». Он грамотно и обстоятельно организывает холст, показывает разных людей, которых волнует очень важный вопрос. Колорит работы, сама композиция – всё работает на раскрытие главной темы картины. Полотно актуально и сегодня, затронуто то, что всегда будет беспокоить и интересовать. Выразительны и натюрморты, такие незатейливые и простые на вид, но это только на первый взгляд. Каждый предмет как хороший музыкальный инструмент исполняет свою мелодию, а в целом это настоящий оркестр, играющий свою симфонию, основанную на гармонии. Это можно увидеть в «Натюрморте с цветком- декабристом». Там всё построено на контрастах большого и маленького цветка, тёмных и светлых пятен, но это и упорядочивает чашу весов, именуемой композицией. А сине-голубая гамма звучит как мажорный заключительный аккорд. В «Натюрморте с овощами» – гимн плодородию и щедрости бытия: невольно вспоминаешь наваристый борщ. В «Натюрморте с красными гладиолусами» – пышность и красота царствен-

ных цветов объединена с нежностью и воздушностью белых флоксов. А в целом они дополняют друг друга, создавая благоухающую атмосферу восторга этого мгновения.

Каждый художник мечтает сказать своё слово в искусстве, но это удаётся избранным, Геннадий Васильевич был одним из них.

Светлые, тёплые, мастерски сделанные работы Огородова прекрасно передают время, в которое они были написаны, в них чувство безмятежности, надежды и радость. Понятие о времени в искусстве своеобразно и бывает, что художник через несколько лет становится нам ближе, и мы вдруг начинаем видеть в нём что-то новое, неизведанное, что всегда волнует и радует.

*Так глубоко, проникновенно
Звучал мелодии мотив.
Он рисовал так вдохновенно
Весенний голубой разлив.
Лучи златые озаряли,
Свет нежно падал и сиял,
Дарил он радость и надежду
И в мир искусства увлекал.*